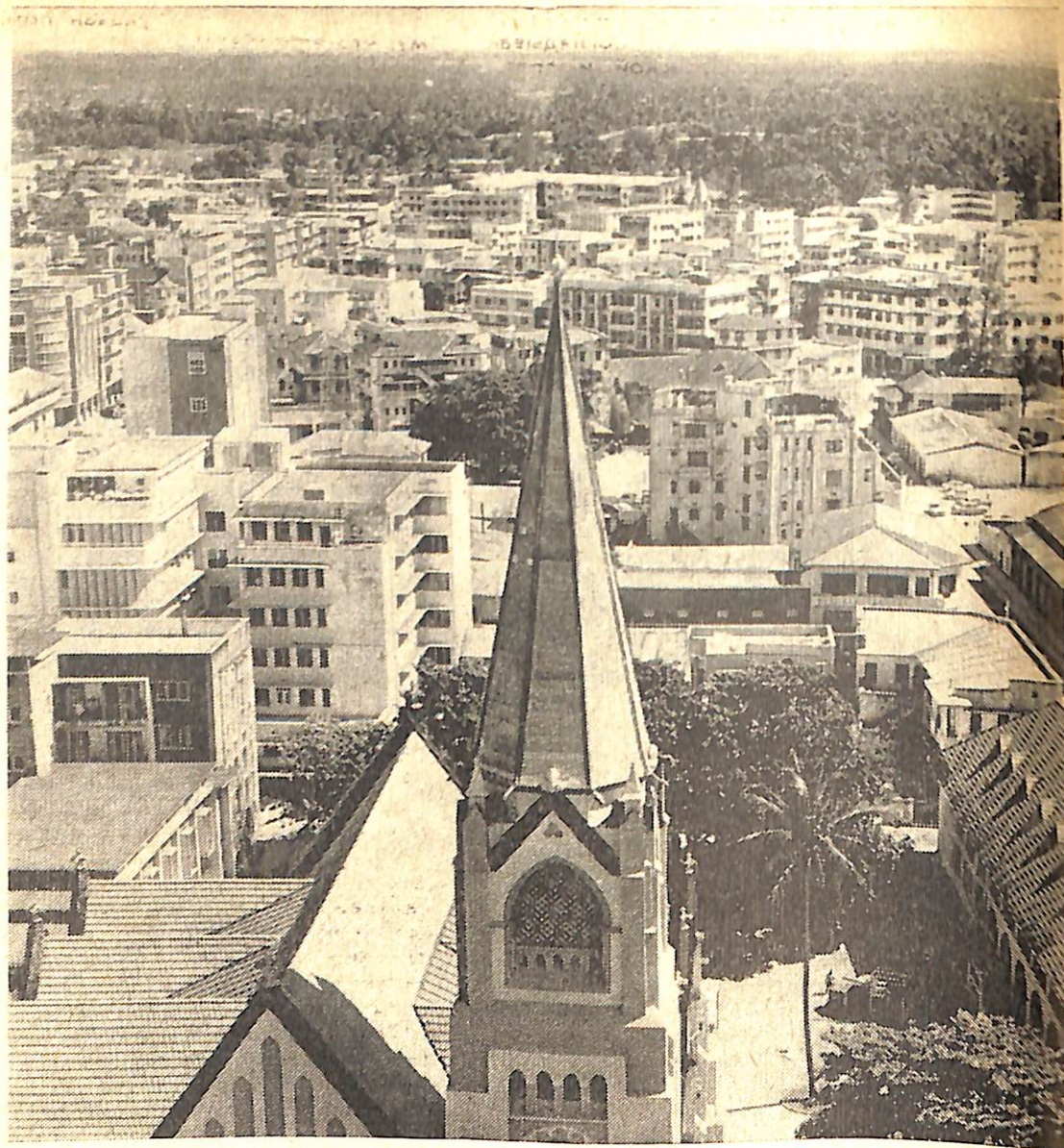

ПУТЕШЕСТВИЯ
ВСТРЕЧИ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ОГНИ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА

В. САВЕЛЬЕВ

*Собственный корреспондент
журнала
в странах Восточной Африки*

Я стою на песке. У ног бочком, суетливо пробегают крабы. Инстинктивно почуяв опасность, они зарываются в песок, оставляя за собой причудливые следы, похожие на иероглифы. Прибой слизывает эти каракули непрочитанными. За спиной незнакомый город, который предстоит увидеть, почувствовать, может быть, полюбить — ведь с ним будет связан какой-то период твоей жизни.

А пока он еще чужой, словно сторонится тебя, прячет за своими стенами настоящие ребусы: мечты, волнения, судьбы своих обитателей.

Песок мелкий и чистый, словно столовая соль, и почти такой же белый. Лениво кланяются ветру кокосовые пальмы. Высоко, у самых крон, раскачиваются орехи, массивные, как булыжники. В тени под пальмами люди и машины. И все это празднично

украшается солнцем и океаном. Если бы не отдельные штришки цивилизации — вроде машин, — то все выглядело бы в духе времен сотворения мира: минимум одежды, и змеи есть неподалеку, а вместо яблок плодом искушения может служить кокосовый орех.

Удивительно, что, кроме меня, на орехи никто не обращает внимания. Видимо, стоять под пальмой не так уж рискованно, на

головой орехи падают нечасто, и только с непривычки поглядываешь на них с опаской и сразу выдаешь в себе новичка. Другое, что удивляет: на пляже очень мало народу. Тем, кто знает наше черноморское побережье, такое безлюдье кажется прямо противоестественным: на каждого здесь приходится по несколько соток, может, и по гектару пляжа. Природа вокруг роскошна, многоцветна и расточительна, океан в пестрой бесконечности ярких солнечных огоньков — словно мираж отражающегося в воде волшебного, празднично иллюминированного города.

Но вот он, реальный город, о котором я собираюсь писать. За зеленью угадываются очертания домов и кварталов, торчат многоэтажные «башни» с рекламными авиакомпаний. Охватывает любопытство и нетерпение: какой же он? Хочется скорее узнать, сравнить с тем, что читал о нем, слышал из рассказов товарищей. А пока что по дороге из аэропорта за стеклом автомашины промелькнули две-три улицы, и вместе с первыми незнакомыми лицами, пляжем, кокосовыми орехами и океаном все это понемногу начинает оформляться в одно общее понятие: Дар-эс-Салам.

ДВА ПРИВЕТСТВИЯ

«Карибу Танзания!» («Добро пожаловать в Танзанию!») Эти слова на суахили я слышал в Дар-эс-Саламе много раз, с первых же дней пребывания в столице одного из самых крупных и во многих отношениях — интереснейших государств Африки.

— Карибу! — радушно улыбаясь, говорит директор информационной службы Танзании А. Райями. — Аккредитация? Какие там формальности! У нас с друзьями все очень просто. Нужна пресс-карта? Сделаем прямо сейчас. У вас есть фотокарточка? Да, вот еще: скажите номер вашего паспорта — и все.

— Карибу! — ослепляет меня широкой белозубой улыбкой молодой чиновник в иммиграционном департаменте, куда я пришел продлить срок въездной визы. Я даже не успел узнать его имя — так быстро все было оформлено. Гляжу в свой паспорт, где еще не высохли чернила прямоугольного штампа, читаю и не могу понять: «Что значит по пункту Е? На какой срок продле-

на виза?». «Срок не указан потому, что виза бессрочная, — смеется чиновник. — Карибу!»

— Так ты все-таки приехал с семьей! Я же тебе писал: приезжай один. Квартирu снять просто невозможно. Не веришь — убедишься сам. С гостиницей вылетишь в трубу, зарплаты не хватит. — Вот примерно такими были первые русские слова, которые я услышал в аэропорту Дар-эс-Салама. Мой приятель, корреспондент ТАСС В. Иванов, был серьезно озабочен. — Ну сейчас, конечно, поедem ко мне. Пообедаем, отдохнете с дороги, подумаем, как быть дальше...

Я не придал тогда значения его словам: вокруг столько нового, и все захватывающе интересно. Рубашка пропитывается потом и теплой тропической сыростью. Буйная зелень и, как в детстве, высокая, безмятежная синь неба. Нужно немножко прийти в себя. В ушах еще стоит рев моторов, гудят ноги. Целых 19 часов полета — это не шутка! В буквальном смысле слова — путешествие за тридевять земель, за экватор, в южное полушарие.

Впечатления лезут одно на другое. Каир. Ночь над Хартумом, большие весла вентиляторов расталкивают ленивый воздух под потолком зала для транзитных пассажиров, потом рассвет в космических красках, и некогда спать. Гладкое бледнолицее озеро Виктория, островки, которых нет на географических картах, крошечные рыбацкие лодки. В аэропорту Энтеббе безмятежные кусты бугенвиллеи, красновато-лиловые цветочки, какой-то особый, специфический запах Восточной Африки и грубые швы на бетоне — следы минометного обстрела во время январского военного переворота в Уганде. Раннее утро, тишь, и служащий аэропорта от нечего делать катается взад-вперед на ярко-желтом колесном тракторе, самозабвенно подпрыгивая на железном сидении.

С каждым приземлением в салоне «ИЛ-18» становится все меньше пассажиров. Вот и в Энтеббе сходит несколько человек. Среди них выделяется высокий африканец в темном плаще, с портфелем. Когда самолет поднялся в воздух, я удивился, увидев его снова. Он что-то оживленно обсуждал с соседом, нервно жестикулировал, потом подошел ко мне и попросил по-русски: «Пожайлуста, помогите».

Мы направились к креслу, где сидел другой африканец.

— Понимаете, я бурундиец, немного знаю русский язык, а он из Замбии, говорит по-английски, и мы никак не можем объяснить. Я еду на родину, но случилось так, что у меня нет бурундийского паспорта. Хотел выйти в Уганде — там, знаете, по соседству, — но меня без паспорта не выпустили из аэропорта. Теперь лечу до Дар-эс-Салама.

— А почему не до Найроби?

Бурундиец замаялся:

— Нет, там будет, как и в Уганде, а в Танзании мне наверняка помогут. Там другое... — И подумав, добавил: — Кроме того, в университете Дар-эс-Салама у меня есть хороший знакомый. Вот я и прошу своего соседа передать моему другу записку, чтобы тот приехал в аэропорт. Пожалуйста, переведите.

Замбиец в знак согласия закивал головой, и оба успокоились.

С высоты семи тысяч метров гляжу на великолепную снежную вершину Килиманджаро. Глубоко внизу, сразу вся, как на ладони, величайшая вершина Африки. Захватывающее, непередаваемое зрелище! А слева уже начинается океан, голубой, Индийский, в светлом ожерелье прибрежного песка.

В своем «Открытии Америки» Маяковский писал, что океан — дело воображения. Верно, если смотришь с борта парохода, и озеро может показаться безбрежным. Но с самолета океан действительно выглядит океаном. В какие-то минуты внизу проходят сотни километров. Кажется, что глобус поворачивается под тобой.

Мелькают первые танзанийские города и поселки. Сверху они ничем не отличаются от угандийских или кенийских. Вспоминаются слова бурундийца: там другое... Что же это «другое», чем так отличается сегодняшняя Танзания от своих восточноафриканских соседей?

ПАРАДОКСЫ ДАР-ЭС-САЛАМА

Обычно знакомство с городом начинается с того, что сразу бросается в глаза. Сначала чего-то не понимаешь, чему-то удивляешься. Постепенно все становится на свои места.

— Что это? — спрашиваю.

— Банк.

— А это?

— Тоже банк.

— Два банка напротив, через

улицу? Зачем? Может, это разные банки?

— Нет. И тот и другой — отделения Национального коммерческого банка Танзании. Раньше на одном из них висело название «Стандард бэнк», на другом — «Барклайз бэнк», оба принадлежали иностранному капиталу. Сейчас они национализированы. Конечно, сами здания остались на прежнем месте и, как видите, их нет смысла передвигать: у обоих достаточно вкладчиков.

Заглядываю в солидное каменное нутро бывшего «Барклайз бэнк». У касс деловито и озабоченно толпятся люди.

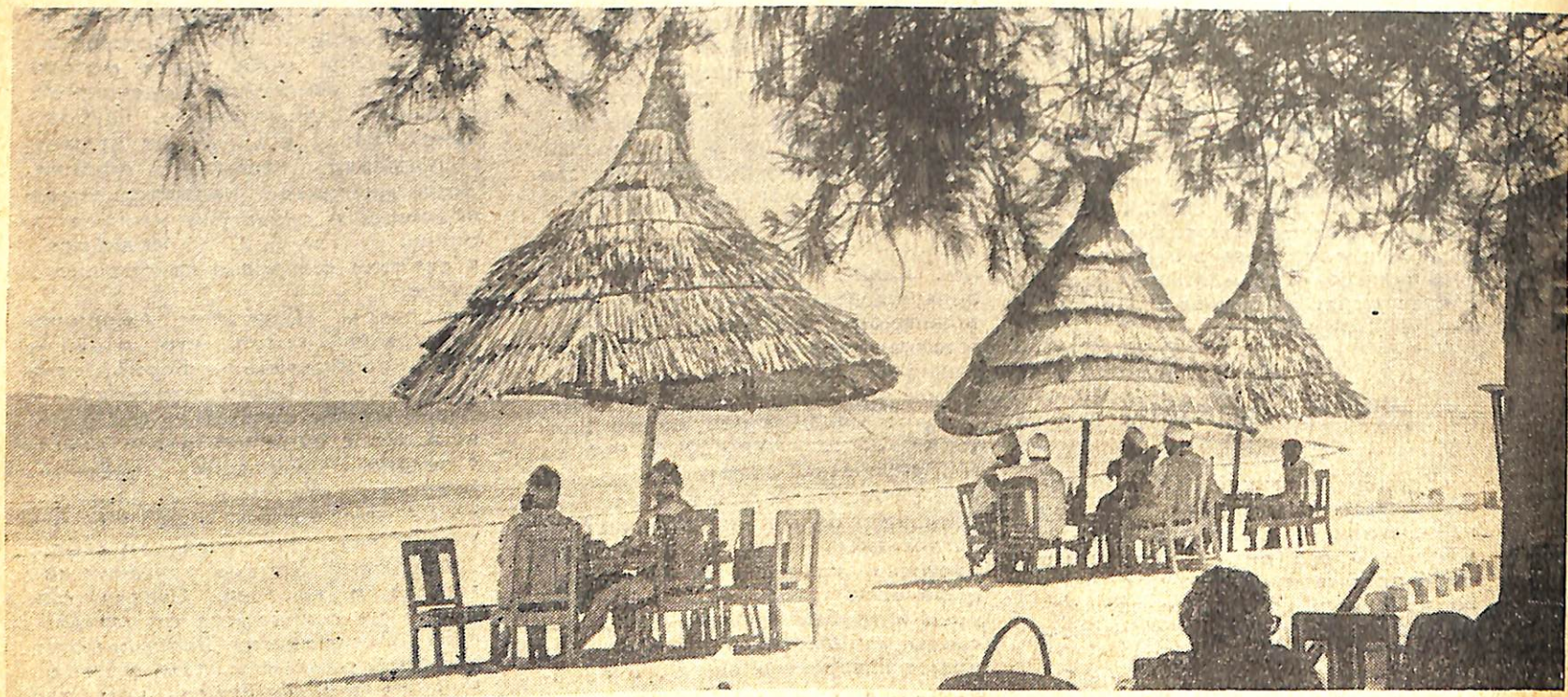
На вопрос: «А что еще национализировано в Танзании?» — я

финансы, внешняя торговля Танзании. Новый курс — на построение социалистического общества, — провозглашенный правящей партией ТАНУ в 1967 году и известный под названием «Арушская декларация», входит в быт молодой республики.

Национализация основных средств производства, коллективизация крестьянства, искоренение эксплуатации, демократия и социальное равенство, развитие здравоохранения и народного просвещения, экономическая политика опоры на собственные силы и ресурсы — таковы основные вопросы, поставленные на повестку дня Арушской декларацией.

нение которой требует большого напряжения сил и средств.

Порой танзанийцам приходится сталкиваться с довольно своеобразными проблемами. Вот, например, одна из них. Стою в очереди в аптеке. Впереди много народу и сзади не меньше. Аптека при государственном госпитале Мухимбили. Госпиталь перегружен. Если бы построили еще один такой в Дар-эс-Саламе, то все равно, наверное, были бы очереди. Пока не строят, и это понятно: нет средств, не хватает врачей. Недавно открытый медицинский факультет Дар-эс-Саламского университета выпускает только первых собственных специалистов.

Прекрасный пляж на берегу Индийского океана близ столицы Танзании привлекает туристов.

Фото А. Стужина

получил ответ, который мне понравился своей лаконичностью и потому запомнился: «Спросите лучше, что еще не национализировано».

Постепенно привыкаешь к сокращениям. Эн-Ди-Си, Эс-Ти-Си, Эн-Эйч-Си — Национальная корпорация развития, Государственная торговая корпорация, Национальная корпорация домостроения, Национальный коммерческий банк и т. д. В руках этих организаций сосредоточены экономика,

Претворение этой программы в жизнь связано с преодолением значительных трудностей экономического, политического, социального характера. Аграрная страна с зачатками мелкой обрабатывающей промышленности, с отсталой экономикой, с натуральным хозяйством и пережитками феодального и даже дофеодального общества, в прошлом страна практически массовой неграмотности, поставила перед собой грандиозную задачу, выпол-

Подходит моя очередь, выдают лекарство, спрашиваю: «Сколько стоит?». На меня глядят с удивлением. Думаю: не поняли вопроса, повторяю. Аптекарь отвечает: «Бесплатно».

Все это мне показалось странным: не слишком ли далеко шагнули вперед? Недостает больниц, врачей, а лекарства бесплатные! При случае я поделился своими сомнениями с сотрудником министерства здравоохранения Ибрагимом. И вот что он мне сказал:

— Возможно, вы и правы. На эти средства можно было бы построить в Дар-эс-Саламе новый госпиталь, а может быть, и не один. Но в наших условиях этого сделать нельзя. Народ еще не понимает, что такое медицина. Представьте: африканец приходит в госпиталь, врач прописывает ему лекарство, а тому нечем платить — ведь лекарства стоят дорого. Что будет делать больной? Он больше не пойдет в госпиталь и в следующий раз обратится к знахарю. Куда ему еще деваться? Мы вынуждены выдавать лекарства бесплатно, иначе не будут лечиться. Народ нужно приучить к медицине. Ведь, знаете, раньше врачи были только

при некоторых религиозных миссиях. А в основном больных пользовали деревенские знахари: выживет так выживет, умрет так умрет. Еще в середине 60-х годов средняя продолжительность жизни танзанийца составляла всего 35 лет...

Я вспомнил, что в аптеке пришлось выстоять длинную очередь. Значит, идут лечиться, значит, все нормально.

Еще одна важная деталь. В Дар-эс-Саламе почти все вывески, надписи на суахили. Трудно разобраться, не зная местного языка. Когда я спросил, где можно изучить суахили, мне посоветовали пойти на курсы по ликвидации неграмотности среди взрос-

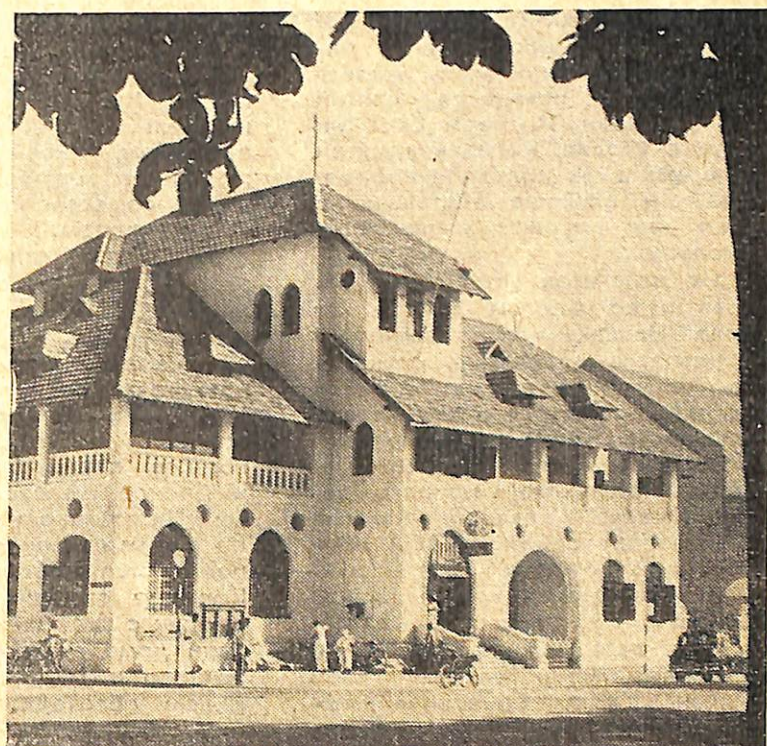
лого населения. Оказалось, что на таких курсах занимаются тысячи танзанийцев по всей стране.

КАЛЕЙДОСКОП ГОРОДА

Если вам скажут, что существуют три разных Дар-эс-Салама, не удивляйтесь: их действительно три, совершенно различных, не похожих один на другой, — европейский, азиатский и африканский Дар-эс-Салама. Раньше, до независимости, африканские кварталы отделялись от остальной части города зеленым поясом, чем-то вроде особого «санитарного кордона». Сейчас он превращен в городской парк. Здесь воз-

Среди недавно национализированных жилых домов в Дар-эс-Саламе были и такие. Естественно, владелец дома не мог претендовать на то, что будет жить здесь только своей семьей.

Долгие годы колонизации наложили на Дар-эс-Салам специфический отпечаток. Вот здание центрального почтамта. Оно построено при колониальном режиме Германии.

двигнут монумент Свободы — обелиск с пылающим факелом, который стал символом независимой Танзании. В парке устраиваются митинги и народные торжества, например массовые первомайские демонстрации. Из городской окраины он превращается в одну из центральных зеленых площадей города.

Если вам скажут, что существует шесть различных Дар-эс-Саламов, тоже не удивляйтесь. Их

действительно шесть, даже больше. Старая, немецкая часть города, с толстыми выбеленными стенами, черными сквозными ставнями на окнах и непременно красными, потемневшими от времени черепичными крышами, расположена поблизости от океана, у входа в порт, в тени старых раскидистых вязов. К ней вплотную примыкают деловые и торговые кварталы, которые уходят в глубь бухты чередой больших, импозантных, но космополитически безликих зданий, сосредоточенных вокруг основной городской артерии — авеню Независимости. За портом и железнодорожным вокзалом начинается совершенно особый, промышленный район города: склады, ремонтные мастерские и небольшие предприятия по переработке местного сырья. Характерно, что порт и вокзал расположены рядом: там, где кончалась железная дорога, начинался долгий путь за океан. Иначе и быть не могло в стране, которая десятки лет в условиях колониальной зависимости служила поставщиком сырья для крупных заокеанских монополий.

Этот отпечаток прошлого заметен и во многом другом. За авеню Независимости, постепенно удаляясь от океана, раскинулись кварталы так называемого Ухиндини, состоящего из мелких лавчонок и жилых домов, хозяева которых — лица арабского и индо-пакистанского происхождения. Каждый здешний квартал представляет собой как бы обособленный городок, сгрудившийся вокруг мечети или какого-то другого религиозного храма, коих тут великое множество, и в каждом свои законы, свои обычаи, обряды. Скученная, многоквартирная «страна Ухиндини» отличается от районов Упанги и Оушен-роуд, хотя все вместе они называются азиатскими кварталами. Районы поближе к океану считаются более фешенебельными, здесь уже не чувствуется узкой кастовости, вперемежку с азиатами живут и европейцы, а в последнее время — поселяются и отдельные африканские семьи.

Район Ойстер-Бэй (Бухта Устриц) расположен на мысу, уходящем в океан. Это северная часть города, застройка которой началась сравнительно недавно, после второй мировой войны. Овеваемые океанским бризом красивые особняки утопают в тропической зелени. Да и сам Ойстер-Бэй стоит в Дар-эс-Сала-

ме таким особняком, удобным, знающим себе цену и мало кому доступным. Сейчас в этом районе всего около трех тысяч жителей. Недавно городской муниципалитет разработал план частичной перестройки Ойстер-Бэй, рассчитанный на то, что за счет некоторого уплотнения строительных участков и освоения новых площадей тут получат жилье около 60 тысяч горожан.

И, наконец, африканские кварталы, расположенные за Ухиндини, далеко от побережья. Унылое однообразие сетчатой, квадратной планировки, придуманной еще немцами в начале нынешнего века, разбросало на довольно обширной площади, на несколько километров вдоль и поперек, одноэтажный глинобитный Кариаку. Именно этот район и отделялся раньше от остальной части города «санитарным кордоном». Кариаку частично перестраивается сейчас. Кое-где возникают новые кварталы рациональной жилой застройки, а кое-где прямо в город прет махровая матушка-деревня со всем своим прадедовским укладом.

Здешние жилища — так называемые дома-суахили — представляют собой глинобитные строения, иногда побеленные снаружи, как украинская мазанка. Крыши покрыты всем чем угодно — от пальмовых листьев до кусков жести самой разнообразной формы, кое-где попадается шифер или рифленое железо. Внутри дома вы обязательно увидите коридор, по обеим сторонам которого располагаются небольшие комнатки. Коридор выходит во внутренний дворик с курятником и огородом. Если дома стоят близко один от другого и дворики малы, огороδικом обзаводятся в пригородной зоне.

Наличие небольшого подсобного хозяйства характерно для многих африканских семей. Это объясняется тем, что в большинстве своем семьи многодетны, а кормильцы их — зачастую низкооплачиваемые рабочие, выходцы из крестьян. Отец семьи — садовник, сторож или домашний слуга — работает определенное число часов в день, получая за это зарплату, а остальное время вместе с женой копается у себя на участке. Такой горожанин одновременно является и рабочим, и крестьянином. Он тянется в город, куда его привлекают лучшие условия жизни, старается как-то закрепиться в нем, а земля властно зовет его назад, к себе. Иногда он открывает свой

небольшой «бизнес» — торговлю овощами и фруктами на городских рынках, вразнос или просто на улице, в центре, у дверей крупных магазинов.

Как-то в газете появилось коротенькое интервью с уличным зеленщиком-разносчиком. Его месячная выручка составляет 300 шиллингов, из них двадцать уходит на жилье, в оплату за комнату в доме-суахили. Он в общем-то доволен: заработок садовника или сторожа — 180 шиллингов в месяц, то есть на сто шиллингов меньше, даже если они живут при доме хозяина бесплатно. Этим и объясняется некоторая тяга молодежи к «бизнесу». Во всяком случае, торговля вразнос считается более предпочтительным занятием, чем тяжелый физический труд, среди выходцев из деревни — этого своеобразного растущего населения внутригородских «аггородков».

Совершенно особое место занимают в городе рынки, побывать хотя бы на одном из них — рыбном — нужно обязательно. У входа в порт на прибрежном песке по утрам разрастается шумная, суматошная толкучка. На пирогах, парусниках и моторных баркасах к берегу подходят рыбаки со свежим уловом. Более живописное зрелище трудно себе представить. Здесь можно увидеть все, чем богат океан. Большие неуклюжие омары еще шевелятся и подергивают клешнями, крабы, креветки, толстые полутораметровые скаты, акулы, тунец и множество мелкой рыбешки самой причудливой формы и окраски ждут своих покупателей. Все это вываливается на песок, тут же чистится, режется на куски или раскладывается на кучки и продается. Рыбак не очень любит торговаться, он ценит свое время: нужно немного отдохнуть — и снова в голубые просторы океана. Сказал — значит, столько и стоит, уж кому лучше знать! Иное дело перекупщики. Те оптом забирают товар, устраивая шумный аукцион, и потом не спеша продают свой «улов» подороже.

На лицах рыбаков спокойная усталость, словно у актера после трудного, но успешного спектакля.

— Сколько стоят эти крабы клешни?

Как бы невзначай на вас бросят оценивающий взгляд: европеец, с этого можно запросить и побольше...

— За пять шиллингов бери всю кучу. Лучших все равно не найдешь! — И лениво, словно бы равнодушно, отвернутся, почешут

сквозь дырку плечо, оставляя на темной просоленной коже белые следы ногтей. *миди*

Африканские женщины, кто в черных мусульманских накидках, кто в красочной канге или китенге — куске расписанного узорами полотна, виртуозно обмотанного вокруг тела, помогают мужьям потрошить рыбу, сидя на корточках и тайком поглядывая на покупателей...

На других рынках та же живописность и сутолока: меж фруктово-овощных гор и холмов расхаживает какой-нибудь парень со связками — чего бы, вы думали? — цыплят в руках. Несколько цыплят, связанные лапами в один «пучок», висят вниз головой и отчаянно кудахчут. Тут же на жаровнях пекут корнеплоды кассавы, по вкусу похожие на сладковатую, слегка подмороженную картошку, а настоящую картошку почему-то не пекут: у каждого народа свои традиции. Вы пробовали, например, пирожки с бананами? Некоторым нравится. А в конце апреля, когда здесь начинается дождливый сезон, что-то вроде местной осени, на дар-эс-саламских рынках появляются грибы лисички, которые ни по виду, ни по вкусу ничем не отличаются от наших, русских...

Недавно самый большой рынок в кварталах Кариаку был снесен. Его сломали, чтобы построить новый, более вместительный, чистый и благоустроенный.

...Под сенью кокосовых пальм на самом берегу океана висят круглые конусообразные крыши из пальмовых листьев. Издали — ни дать, ни взять рыбацкая деревушка, где течет такая тихая, патриархальная жизнь. Я уверен, что мне и в голову не пришло бы ничего другого, если бы не знать заранее, что эти «хижины» стоят 8,5 миллиона танзанийских шиллингов. Строительство началось в августе 1969 года, а уже в декабре 70-го был открыт один из самых оригинальных в Дар-эс-Саламе отелей, так сказать «инвалютные избы». Гостиница «Бахари» целиком и полностью рассчитана на иностранных туристов. В ней сто номеров. В каждом установка для охлаждения воздуха и свой балкон с видом на океан. Двухэтажные «избы» сложены из грубоотесанного кораллового известняка. Ресторан и бар находятся на открытой веранде, под огромной подвесной крышей из пальмовых листьев, которая держится на специальной конструкции из толстых стальных тросов. Внизу в ви-

ПОД КОНТРОЛЬ ГОСУДАРСТВА

За семь лет, прошедших после завоевания независимости, экономика Замбии развивалась сравнительно быстрыми темпами. Согласно заявлению президента республики Кеннета Каунды, осуществлены почти все установки первого плана экономического развития (июль 1966 года — июнь 1970 года). В 1969—1970 годах правительство провело серьезные мероприятия, имеющие целью усилить роль государства в народном хозяйстве. Оно взяло под свой контроль наиболее важные отрасли национальной экономики, в том числе медные рудники.

Коренным преобразованием в горной промышленности явилась передача государству всех прав на минеральные ресурсы страны и, следовательно, отмена бессрочных концессий иностранных компаний на разработку замбийских недр. Отныне концессии на освоение рудных месторождений предоставляются сроком на 25 лет при условии, что 51 процент акций компаний, осуществляющих добычу, будет принадлежать правительству Замбии.

Большого внимания требует сельское хозяйство. Хотя за годы независимости его товарная продукция увеличилась почти на 40 процентов, вследствие значительного роста населения, особенно городского, проблема обеспечения страны продовольствием продолжает оставаться острой.

де грота в скале — кафетерий и на каменной площадке — плавательный бассейн.

Мне лично нравится «Бахари», с его нарочитым примитивизмом, современными удобствами и хорошим пляжем. Это дело вкуса, так что предвижу возражения: те же удобства есть и в соседней гостинице «Африкана»: есть и бассейн, есть даже сонный лев в клетке, одинокий жираф и две зебры за плетнем, и что самое привлекательное — в «Африкане» попадаешь в некий идиллический мир больше нигде не существующего «безвалютного» обмена: вместо денег там в ходу пластмассовые бусинки, внешне очень напоминающие те, которые можно увидеть за стеклом Национального музея в Дар-эс-Саламе. Когда-то именно такие шарики — правда, не пластмассовые, а стеклянные — были здесь в ходу вместо денег.

Эти искусственные бусинки, как и псевдоафриканские крыши «Бахари», имеют для туриста особую притягательную силу. Их можно купить: белый шарик — 50 центов, желтый — шиллинг, синий — два шиллинга. Бутылка пива — два синеньких. Снял с шеи — и пей себе на здоровье. Все очень просто.

Между «Бахари» и «Африканой» полоса пляжа занята еще одним спецпоселением. Это для тех, кто в душе сочувствует бывшим ска- зочным восточным тиранам и мо-

нархам. Гостиница «Кундучи», расположенная неподалеку от развалин древнего мусульманского городка, напоминает дворец из «Тысячи и одной ночи». Такому позавидовал бы сам Гарун ар-Рашид. Все бы хорошо, но каждая ночь в этом дворце стоит 150 шиллингов, вдвоем — 240, а в месяц соответственно — 7200. Зарплата президента страны, между прочим, составляет четыре тысячи шиллингов в месяц. Кто же может позволить себе послушать в таком дворце все сказки Шахразады? Весь этот рай рассчитан исключительно на вежливое выкачивание валюты из богатых заморских туристов. А валюта нужна для выполнения программ национального развития.

Белый, желтый, черный, три или шесть — сколько же их, городов в одном городе? Так было, так кое в чем остается до сих пор, но танзанийцы считают, что так не должно быть. И структура старого города рушится. Президент Ньерере в своих выступлениях не раз подчеркивал, что в Танзании нет ни белых, ни желтых, ни черных. Есть один народ — танзанийцы, и среди них пока еще есть эксплуататоры, с которыми нужно бороться, какого бы цвета кожи они ни были. В этом основной смысл новой политики. И эту политику одобряет народ.

(Продолжение следует)